Германо-германские отношения в 1949–1990 гг.²

Аннотация. В статье обрисована сложная траектория развития отношений между двумя германскими государствами от их возникновения до вхождения одного из них – Германской Демократической Республики – в состав другого – Федеративной Республики Германии. Основным методом исследования избран ивент-анализ.

Показаны особенности формирования и развития внешнеполитических концепций двух германских государств в отношении друг друга в контексте общей динамики развития холодной войны. Особое внимание уделяется эволюции идеологического восприятия оппонента. Дается характеристика реальной роли СССР при определении линии поведения ГДР в отношении ФРГ. Отмечается, что фаза острой конфронтации и взаимного непризнания сменилась «разрядкой» и поисками модели партнерства и сотрудничества. Этот процесс начался с заключения Московского договора между СССР и ФРГ (1970) и Договора об основах отношений между ГДР и ФРГ (1972). В статье также анализируются отдельные шаги, способствовавшие сближению

¹ **Филитов Алексей Митрофанович** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (a_filitov@mail.ru).

² Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта РНФ № 15-18-00135 А.

двух германских государств. В ходе процесса сближения отчетливо проявилось стремление западногерманских элит ограничить суверенитет ГДР, повлиять на ее внутреннюю политику. Реакция восточногерманских властей на эти попытки была крайне противоречивой и малоэффективной. В статье дан обзор динамики взаимного восприятия друг друга политическими элитами и гражданами двух германских государств в 1970–1980-е годы. В этой связи исследуются причины полного доминирования западногерманских политических и экономических концепций при образовании общегерманского государства в 1989–1990 гг. В выводах, помимо прочего, отмечается недостаточное внимание к некоторым деталям, связанным с падением Берлинской стены.

Ключевые слова: «доктрина Хальштейна», «Народный план для Германии», «Национальный документ», Берлинская стена, «Изменение через сближение», Ульбрихт, Хонеккер, Брандт, Коль.

Когда в обстановке резкого обострения холодной войны образовались два германских государства, ни в одном из них не предвидели сколь-нибудь длительного существования возникшего политического дуализма. Оба правительства декларировали устранение раскола страны в качестве своей первостепенной цели, однако ее достижение мыслилось не путем переговоров, а путем ожесточенной конфронтации. От перерастания конфликта в открытую гражданскую войну спасало лишь то, что оба государства еще не располагали армиями, а расквартированные на их территориях оккупационные войска держав-победительниц служили дополнительной гарантией против каких-либо попыток силового решения проблемы. Тем не менее обстановка в первые годы после образования двух германских государств оставалась достаточно напряженной. Со стороны ФРГ активную подрывную работу (поджоги зернохранилищ, взрывы мостов, рассылка фальшивых деловых документов) вели так называемые «общественные организации» типа «Группы борьбы против бесчеловечности» или Комитета свободных юристов, от которых официальные власти публично отмежевывались, не предпринимая, однако, никаких мер по прекращению их деятельности [Филитов, 1993, с. 113–114]. ГДР отвечала на это «точечными» акциями против наиболее активных руководителей таких организаций; наибольшую известность по-

лучило похищение главы экономического отдела Комитета свободных юристов В. Линзе, совершенное возле его западноберлинской резиденции в июле 1952 г. [Бейли, Кондрашев, Мерфи, 2000, с. 142–148].

На политическом уровне феномен взаимной враждебности между ФРГ и ГДР подкреплялся декларациями об исключительном праве каждого из государств представлять интересы и волю немецкой нации и соответственно – об отсутствии «демократической легитимации» у другой стороны. В Западной Германии под запретом было даже само слово «ГДР»: речь шла о «Средней Германии» («Восточной» считались области, перешедшие по Потсдамскому соглашению Советскому Союзу и Польше), о «советской зоне», о «западной колонии» СССР – причем такое отношение было характерно не только для официальных властей, но и для оппозиционных партий, за исключением коммунистов. В ГДР также избегали употреблять официальное название западного соседа, называя его «макклоевской республикой» (по имени Верховного комиссара США в Германии Дж. Макклоя) и говоря о его «колониальной зависимости» от западных держав.

Тем не менее во взаимном восприятии не было полной «зеркальности». В этом смысле характерно, что первые идеологические установки официального Берлина в отношении Бонна были далеки от разоблачительной риторики. Так, в своей речи, произнесенной 11 октября 1949 г., только что избранный президент ГДР В. Пик выражал даже нечто вроде сдержанного оптимизма: он призвал власти ФРГ «сообща или рядом друг с другом служить национальным интересам немецкого народа», добавив: «Если это будет сделано западногерманским федеральным правительством и западногерманским федеральным парламентом, то тогда мы приблизимся друг к другу, устраним в конце концов раскол Германии и создадим единую Германию» [Пик, 1949]. Ответ из Бонна последовал с некоторым запозданием, 21 октября 1949 г., в виде официального заявления канцлера К. Аденауэра в Бундестаге, и он не оставлял никакой почвы для компромисса: «В советской зоне нет свободного волеизъявления немецкого населения. То, что теперь там происходит, не исходит от населения и не узаконено им...

Федеративная Республика Германия одна уполномочена говорить от имени немецкого народа» (цит. по: [История Германии., 2008, с. 388–389]). Эту позицию поддержали и западные державы, хотя полутора годами раньше посол США в СССР У.Б. Смит в беседе со Сталиным заявлял нечто прямо противоположное: правительство, «которое имеется в виду создать в западных зонах Германии, не будет претендовать на то, чтобы быть правительством для всей Германии. Оно, в конечном счете, сольется с тем правительством, которое будет создано в Восточной Германии, и образуется единое правительство» (см.: [СССР и германский вопрос., 2012, с. 200]). Поворот Запада к тотальной конфронтации был очевиден, и это не могло не вызвать соответствующей реакции со стороны Востока.

Ответом на предложение ГДР начать переговоры с ФРГ на равноправной основе (под лозунгом «Немцы за один стол») был категорический отказ. В результате была упущена возможность пройти кратчайшим путем к восстановлению германского единства – путем всеобщих свободных выборов, создания единого правительства и заключения мирного договора, как предлагала советская сторона в целом ряде дипломатических инициатив начиная с 10 марта 1952 г. (так называемая «сталинская нота»). Вступление ФРГ в НАТО в мае 1955 г. еще более осложнило ситуацию в Германии.

Казалось, что претензии Бонна на единоличное представительство немецкого народа немного умерились после московского визита канцлера К. Аденауэра в сентябре 1955 г.: достигнутая в ходе визита договоренность об установлении дипломатических отношений между ФРГ и СССР (притом что между ГДР и СССР такие отношения существовали уже с 1949 г.) показывала, что отныне в Москве будут два германских посольства, а это, в свою очередь, означало по крайней мере косвенное признание со стороны ФРГ факта существования другого германского государства. Однако письмо, направленное канцлером в адрес правительства СССР, в котором подтверждалась прежняя позиция ФРГ, связанная с непризнанием ГДР и новой восточной границы Германии по линии Одер–Нейсе, свидетельствовало о неприятии прагматического подхода. С точки зрения международного права этот одно-

сторонний документ, составленный западногерманской стороной, никакой юридической силы не имел, однако в полной мере показывал, что влияние ретроградных сил в политике официального Бонна весьма велико. Такой же характер имела так называемая «доктрина Хальштейна» (1956), руководствуясь которой правительство ФРГ грозило репрессиями – вплоть до разрыва отношений – любому государству, которое признало бы ГДР. Следствием принятия этой доктрины стал также отказ от нормализации отношений с теми странами, которые ранее уже признали ГДР. В результате ФРГ удалось – ценой самоизоляции от важных акторов международной политики в Восточной Европе и в Азии – на некоторое время затормозить процесс международного признания второго германского государства. Кроме того, Бонн сам стал объектом шантажа со стороны ряда государств «третьего мира», которые требовали от него разного рода субсидий и льгот, угрожая в противном случае сближением с ГДР. Тем не менее понадобился жесткий урок в виде второго Берлинского кризиса и возведения Берлинской стены (август 1961 г.), чтобы во внешней политике ФРГ возобладал реализм по отношению к ее восточному соседу.

Что же касается ГДР, то ее подход к выстраиванию отношений с западным соседом существенно изменялся с течением времени. Такие меры, как полное закрытие границы с ФРГ и принятие решения о «форсированном строительстве социализма» (1952), явно противоречили декларациям о стремлении к восстановлению единства страны. Народные волнения 1953 г. доказали непрочность «рабоче-крестьянского государства» и иллюзорность расчетов на благоприятные перспективы в случае проведения общегерманских выборов. Вступление ФРГ в НАТО (и последующее вступление ГДР в Организацию Варшавского договора) (1955) сделали проведение таких выборов совершенно нереальным.

Тем не менее проблема воссоединения не снималась с повестки дня. Была выдвинута идея создания конфедерации двух германских государств (впервые – первым секретарем ЦК СЕПГ В. Ульбрихтом 30 декабря 1956 г.). Хотя соответствующие планы предварительно обсуждались в ходе доверительных контактов между официальными представителями ГДР (в лице заместителя

министра обороны В. Мюллера) и ФРГ (участником переговоров был министр финансов Ф. Шеффер), канцлер К. Аденауэр выступил против, и время для реализации этого плана пришло много позже: считается, что фактически конфедеративные отношения между двумя германскими государствами существовали с 1 июля 1990 г., когда вступил в силу Договор об экономическом, валютном и социальном союзе, до 3 октября того же года – дня германского единства [Sumpf, 1991].

Свидетельством определенной гибкости в национальном вопросе со стороны руководства ГДР стал выдвинутый в апреле 1960 г. программный документ под названием «Народный план для Германии». Суть его заключалась в том, что само по себе различие в общественном строе двух германских государств не является принципиальным препятствием для восстановления единства Германии. «Народному плану» не суждено было осуществиться – не в последнюю очередь потому, что он появился в разгар острейшего международного кризиса, связанного с проблемой Западного Берлина. Ситуация в определенном смысле стабилизировалась после 13 августа 1961 г., когда началось сооружение Берлинской стены: прекратился отток на запад рабочей силы и финансовых ресурсов, который до того существенно дестабилизировал экономику Восточной Германии; однако последствия для германо-германских отношений, по крайней мере в краткосрочном плане, были однозначно отрицательными. Массовых протестов против «стены» в ГДР не было, но было немало попыток побегов в Западный Берлин. Пограничники ГДР применяли оружие против «нарушителей границы», в свою очередь, западноберлинские полицейские нередко открывали огонь для защиты беженцев. Число жертв пограничных инцидентов оценивается по-разному: от 80 до 239 погибших [Winters, 1999, p. 446; Bollin, Fischer-Bollin, 1999, S. 549].

В обстановке обострения холодной войны на смену «Народному плану» в марте 1962 г. пришел так называемый «Национальный документ» (официальное название: «Историческая задача ГДР и будущее Германии»). В нем говорилось в частности: «Национальные интересы немецкого народа требуют устранения гос-

подства концернов, крупных банков и связанных с ними гитлеровских генералов... Победа социализма в ГДР, а позже – и в западно-германской Федеративной республике освободит наш народ от зловещего цикла – конъюнктура, кризис, война, – освободит его навсегда от капиталистической эксплуатации» (цит. по: [DDR: Geschichte., 1998, S. 514]). Такая формулировка означала, что воссоединение отодвигается в неопределенное будущее, поскольку никаких перспектив «победы социализма» в ФРГ (в том смысле, который вкладывался в это понятие в ГДР, – путем установления «диктатуры пролетариата») не просматривалось. Заметим, кстати, что в данном документе, как и вообще в принятом в ГДР официальном словоупотреблении, название западногерманского государства не фигурировало в его полном виде, что должно было лишний раз продемонстрировать «ущербность» и «неполноценность» западного соседа.

Подобные заявления можно было трактовать как «симметричный ответ» на «доктрину Хальштейна», связанную с претензией ФРГ на единоличное право представлять всех немцев. Однако такая позиция исключала всякую возможность разрядки в германо-германских отношениях: если каждое из двух государств считало себя единственно легитимным представителем германской нации и отказывалось признать другую сторону в качестве суверенного и равноправного партнера, то конфликт между ними принимал абсолютный характер, и это грозило серьезными осложнениями международной обстановки в Европе. Следует сказать, что столь жесткая позиция Восточной Германии подвергалась критике со стороны СССР. Разумеется, критика была негласной, однако в ряде случаев способствовала подвижкам в политике ГДР.

Менялось и отношение ФРГ к восточному соседу. В июне 1963 г. Э. Бар, ближайший сотрудник лидера социал-демократов В. Брандта, сформулировал новую доктрину: «Изменение через сближение», согласно которой официальный Бонн должен был смягчить политику и риторику в отношении ГДР в надежде на соответствующие уступки с ее стороны. Суть новой западногерманской политики метко определил П.Г. Кильмансегг, автор одной из фундаментальных работ по послевоенной германской ис-

тории: «Преодолеть статус-кво можно было лишь таким образом: сперва его надо было признать» [Kielmansegg, 2000, S. 198].

Поначалу процесс взаимного отхода от политики жесткой конфронтации был ограниченным и противоречивым. В декабре 1963 г. было заключено «соглашение о пропусках» с сенатом Западного Берлина, которое позволило его жителям впервые после возведения Берлинской стены посещать родственников в столице ГДР, оно несколько раз продлевалось, однако с июня 1966 г. перестало действовать. Достигнутая в августе 1964 г. договоренность о восстановлении пограничного моста через р. Заале стала первым кооперационным проектом двух германских государств, но в целом такие проекты стали активно претворяться в жизнь только в 1970–1980-е годы. С другой стороны, с 1 декабря 1964 г. для всех граждан «несоциалистических» стран, въезжавших в ГДР, вводился обязательный минимум обмена марок ФРГ на марки ГДР по курсу 1:1 (учитывая, что реальный курс колебался в пределах 1:4–1:5, это делало поездку в ГДР крайне обременительной в материальном плане; помимо фискальных соображений, власти ГДР рассчитывали таким образом ограничить контакты с представителями «классового противника»; размер указанного минимума, названного «налогом на визиты», менялся в зависимости от уровня напряженности в германо-германских отношениях). Между тем западно-германские власти ввели практику «приветствия» каждого визитера с востока символической суммой западной валюты (вначале 30, а с 1987 г. – 100 марок ФРГ).

ГДР связывала определенные надежды на дальнейшее налаживание сотрудничества с ФРГ с образованием своего статс-секретариата по общегерманским делам (18 декабря 1965 г.), который уже самим названием должен был подчеркнуть приверженность ГДР идее единства Германии; однако официальный Бонн счел, что такой шаг говорит о «готовности начать отступление», о «слабости» восточногерманского режима; от контактов с этим учреждением отказались. В свою очередь, деятельность этого статс-секретариата со временем все больше сводилась к «разоблачительной» пропаганде против западного соседа.

К концу 1960-х годов в политическом дискурсе ГДР тема «воссоединения / объединения» сменилась темой «отмежевания / отграничения» от «реваншистской» ФРГ. Парадоксальным образом это происходило одновременно с постепенным отказом от настоящего реваншизма, т.е. от непризнания послевоенных границ, включая границу между двумя германскими государствами.

Начало этому процессу, завершившемуся заключением «восточных договоров» (с СССР – Московский договор от 12 августа 1970 г., с Польшей – Варшавский договор от 7 декабря 1970 г., с ГДР – от 21 декабря 1972 г., с Чехословакией – от 11 декабря 1973 г.), было положено 13 июня 1967 г., когда канцлер ФРГ К.-Г. Кизингер впервые дал официальный ответ на послание премьер-министра ГДР В. Штофа – прежде все инициативы такого рода подчеркнuto игнорировались. Правда, ответ был малопродуктивным: канцлер предпочел обойти вопрос о признании ГДР в качестве равноправного и суверенного государства. В какой-то степени к этому не было готово и общественное мнение в Западной Германии: согласно опросам, процент выступавших за признание ГДР хотя и вырос с 10% в 1964 г. до более чем 40% в 1969 г., все же сторонники такого шага оставались в меньшинстве [Kielmansegg, 2000, S. 199].

Не принесли результатов и первые личные встречи руководителей обоих государств В. Брандта и В. Штофа – 19 марта 1970 г. в Эрфурте (ГДР) и 21 мая 1970 г. в Касселе (ФРГ). Здесь нужно заметить, что, если раньше исследователи объясняли такой исход переговоров личным «упрямством» лидера СЕПГ В. Ульбрихта, которого советскому министру иностранных дел А. Громыко пришлось буквально «уламывать» [Baring, 1982, S. 258], то в более поздних трудах ответственность за «негибкую позицию при ведении переговоров» со стороны ГДР возлагается на советскую сторону [Lemke, Nakath, 2006, S. 578]. Ни та ни другая трактовки не соответствуют действительности. В. Ульбрихт в конце 1960-х – начале 1970-х годов неоднократно менял свою позицию в отношении западного соседа, так что говорить, что он придерживался какой-то последовательной линии, будь то «жесткой» или «мягкой», не представляется возможным. По всей вероятности, это было связано с переменами в расстановке сил в руководстве ГДР/СЕПГ, где бы-

ли свои «ястребы» и «голуби», а также с учетом мнений других стран – членов «социалистического содружества» (в частности, Польша крайне ревниво относилась к попыткам наладить германо-германский диалог). Советской дипломатии при этом приходилось, с одной стороны, «мирить» ссорившихся союзников, а с другой – отстаивать интересы ГДР в переговорах с западногерманскими представителями.

Свидетельством значительного прогресса в переговорах стал документ, получивший название «Договоренность о намерениях сторон», который был дополнением к тексту Московского договора (1970). В нем содержалось, в частности, следующее положение: «Правительство Федеративной Республики Германии заявляет о своей готовности заключить с Правительством Германской Демократической Республики Договор, который будет иметь общепринятую между государствами обязывающую силу, так же как и другие договоры, которые Федеративная Республика Германии и Германская Демократическая Республика заключают с третьими странами. Соответственно оно намерено строить свои отношения с Германской Демократической Республикой на основе полного равноправия, отсутствия дискриминации, уважения независимости и самостоятельности каждого из обоих государств в делах, касающихся их внутренней компетенции, в их соответствующих границах» (цит. по: [Договоренность..., 1973, с. 155–156]).

Договор об основах отношений между ГДР и ФРГ (1972) почти буквально воспроизвел эти формулировки. По мнению германских исследователей, этот документ показал, что ФРГ «со всей определенностью отказалась от претензии на единоличное представительство и от “доктрины Хальштейна”» [Lemke, Nakath, 2006, S. 578]. Однако позиция официального Бонна заключала в себе определенное противоречие. Еще в 1969 г. в правительственном заявлении при создании правительства социал-либеральной коалиции В. Брандт, впервые признав факт существования двух германских государств в рамках единой германской нации, тут же добавил, что ГДР для ФРГ «не является заграницей». Его высказывание было лишено логики: как можно признать границу, но утверждать, что за ней – «не заграница»? В такой ситуации ГДР сле-

довало бы подчеркивать эту нелогичность, поддерживая в то же время позицию В. Брандта по вопросу о нации (или, во всяком случае, не ведя по этому поводу ненужной полемики). Между тем в Берлине поступили диаметрально противоположным образом.

Тезис об отсутствии всякой общности между немцами по обе стороны германо-германской границы в ГДР довели до бессмысленной крайности: к примеру, из названий всех учреждений ГДР удалили прилагательное «германский» (так «Германская академия наук» превратилась в «Академию наук ГДР»); к существительному «Германия», как правило, добавляли слово «бывшая». В поисках исторической самоидентификации идеологи ГДР (начиная с нового лидера СЕПГ Э. Хонеккера) решили опираться на наследие прусской монархии: в общественно-политическом дискурсе ГДР фигуры Фридриха II и Бисмарка выставлялись в исключительно выгодном свете; этот своеобразный «пруссский ренессанс» совпал с критическим пересмотром роли имперской Пруссии в европейской истории, предпринятым наиболее авторитетными представителями научного сообщества ФРГ; получалось, что на востоке выступают за авторитарные ценности, тогда как на западе стремятся отмежеваться от них.

Подобные идейные новации в ГДР были призваны замаскировать явное отступление от прежней четкой позиции по защите государственного суверенитета. Согласно упомянутому договору 1972 г., стороны обменивались не послами, как это принято между суверенными государствами, а «постоянными представителями». По мнению некоторых исследователей, это означало, что «ГДР взяла назад требование о международно-правовом признании» своего государства [Lemke, Nakath, 2006, S. 578]. При этом в политической повестке официального Бонна сохранялись отдельные реликты времен конфронтации: власти ФРГ отказывались признавать гражданство ГДР (имелось в виду, что существует только единое немецкое гражданство, унаследованное еще с вильгельмовской эпохи), сохранялось так называемое «Ведомство по регистрации неправовых актов», которое по сути продолжало дело Комитета свободных юристов. В 1980 г. Э. Хонеккер неожиданно потребовал от властей ФРГ пересмотреть эти практики (с которыми до того в

ГДР молчаливо соглашались), однако впоследствии о его требованиях столь же неожиданно «забыли»... Зато с энергией, достойной лучшего применения, стала мушкетироваться малореалистичная и непонятная людям идея о «двух немецких нациях» – «новой социалистической», возникшей в ГДР, и «старой капиталистической», существующей в ФРГ. Исследователи приводят следующие данные опросов среди молодежи ГДР (от 14 до 29 лет): с 1977 г. до 1988 г. количество тех, кто считал немцев по обе стороны границы одним народом, снизилось с 70 до 61% (они все еще составляли большинство); вместе с тем число тех, кто считал ФРГ «заграницей», увеличилось с 42 до 54% [Glaab, 1999, S. 313]. Эти цифры показывают, с одной стороны, растущее осознание реальности существования двух германских государств, а с другой – неприятие официальной пропаганды о «двух нациях», которая была призвана компенсировать очевидные уступки Бонну в сфере политики. Эти уступки, в свою очередь, объяснялись растущей экономической зависимостью «рабоче-крестьянского государства» от своего капиталистического соседа.

Поначалу экономические отношения между обеими странами носили равноправный и вполне корректный характер, что резко контрастировало с ситуацией в политической сфере. ГДР получала особую выгоду от специфической модификации условий «внутригерманской торговли», образовавшейся в процессе создания «Общего рынка» (1957): товары, произведенные на восточногерманских предприятиях, освобождались от пошлин, которыми государства Европейского экономического сообщества (ЕЭС) отгораживались от внешнего мира. Разумеется, в Бонне при этом преследовали вполне очевидную цель – продемонстрировать включенность ГДР в западногерманскую (и даже западноевропейскую) юрисдикцию, а также подчеркнуть свою роль в качестве «опекуна» восточного соседа. В данном случае руководство ГДР проигнорировало политические издержки, связанные с получением статуса «квазичлена» ЕЭС, поскольку он приносил ГДР примерно 500 млн марок в год [Bruns, 1984, S. 85].

Торговый оборот между ГДР и ФРГ непрерывно рос и к 1980-м годам достиг уровня в 15 млрд марок, но, как правило, с отрица-

тельным сальдо для ГДР, что приводило к росту ее задолженности. Дефицит покрывался кредитами, которые предоставляли ГДР западногерманские банки. Самые крупные кредиты (по 1 млрд марок) были предоставлены в 1983–1984 гг. при посредничестве баварского премьера Ф.-И. Штрауса, который ранее выступал против каких-либо уступок в отношении Восточной Германии; в 1985 г. ФРГ повысила уровень беспроцентного кредитования (так называемого «свинга») торговых сделок с ГДР с 600 млн до 800 млн «расчетных единиц» (т.е. фактически западных марок) [Lehmann, 1996, S. 332, 334]. Некоторые комментаторы полагали, что эти и другие подобные акции со стороны пришедшего к власти в 1982 г. консервативного правительства Г. Коля / Г.-Д. Геншера являлись своеобразной «премией» властям ГДР за их тогдашнюю оппозицию советскому внешнеполитическому курсу [Kupre, 1999, S. 253].

Применение «мягкой силы» со стороны ФРГ принесло плоды: власти ГДР приняли комплекс мер по облегчению контактов с западногерманской «заграницей» и по смягчению пограничного режима. Вне публичной сферы, начиная еще с 1960-х годов, продолжались контакты, связанные с практикой «выкупа» западногерманской стороной восточногерманских заключенных, осужденных за антигосударственную деятельность (всего в ФРГ в результате выехало свыше 30 тыс. лиц этой категории; «прейскурант» с 1977 г. был установлен в среднем на уровне 96 тыс. марок за одного освобождаемого) [Winters, 1999, S. 447]. Оплата поступала в специальный тайный отдел «коммерческой координации» Министерства внешней торговли ГДР, возглавлявшийся А. Шальк-Голодовским, который по поручению спецслужб ГДР и лично Э. Хонеккера осуществлял также и другие тайные сделки с контрагентами в ФРГ (в частности, речь шла о продаже предметов искусства из хранилищ ГДР).

Помимо прочего западногерманские власти умело использовали стремление руководителей ГДР поднять свой престиж с помощью многочисленных контактов с западногерманскими визитерами, а также посредством собственных визитов в ФРГ. Подсчитано, что в 1980-е годы один только Э. Хонеккер провел свыше 80 встреч с представителями политической элиты соседнего германского

государства [Lemke, Nakath, 2006, S. 578]; в феврале 1986 г. состоялся первый визит в ФРГ одного из высших руководителей ГДР, председателя Народной палаты Х. Зиндерманна, а 7–11 сентября 1987 г. – официальный визит самого «первого лица», председателя Государственного совета Э. Хонеккера.

За пышные приемы и комплиментарные приветствия в свой адрес руководители ГДР расплачивались разного рода уступками и послаблениями, которые у них «просили» (а на самом деле практически вымогали) западногерманские партнеры. Вряд ли можно считать случайностью, что вскоре после визита Х. Зиндерманна было подписано (6 мая 1986 г.) двустороннее соглашение о культурном сотрудничестве, согласно которому ГДР фактически отказывалась от своих законных требований о возврате культурных ценностей, вывезенных в ходе войны с территории Восточной Германии и объявленных собственностью Фонда прусского культурного достояния (эта организация была создана правительством ФРГ в 1959 г.). А ведь до этого переговоры о возврате культурного достояния Восточной Германии шли в течение 14 лет (!), и во всем, что касалось Фонда прусского культурного достояния, ГДР стояла, что называется, «намертво» [Winters, 1999, S. 447]. Симптоматичной была и хронологическая близость между упомянутым визитом Э. Хонеккера и последовавшей амнистией в ГДР, в ходе которой были освобождены многие лица, которых в ФРГ называли «политзаключенными». Весьма вероятно, что гибкость на переговорах по вопросу о культурном соглашении и гуманный акт в отношении противников режима были вполне рациональными решениями восточногерманских властей, поскольку все эти уступки не затрагивали основ существовавшего в ГДР строя. То же самое можно сказать и о достаточно толерантном отношении к выезду из страны тех лиц, кого ситуация в ГДР не устраивала: в период существования Берлинской стены ГДР на законных основаниях покинули 250 тыс. человек трудоспособного возраста (вместе с пенсионерами, для которых такая возможность существовала давно, общая цифра – 555 тыс. человек) [Winters, 1999, S. 446]; так что представление о ГДР как о «герметично закупоренной» стране далеко от реальности.

Вопрос, однако, заключался в том, были ли эти изменения к лучшему следствием суверенных решений руководителей восточногерманской республики или результатом давления и / или посулов Запада? Для многих было вполне очевидно, что ответ связан со второй опцией, вследствие чего они задавали другой вопрос: нельзя ли добиться большего, если и далее продолжать тактику «кнута и пряника»? Жесткие высказывания Э. Хонеккера о том, что объединить социалистическую ГДР и капиталистическую ФРГ столь же невозможно, как соединить «огонь и воду», могли ввести в заблуждение западную общественность (в 1987 г. 97% западных немцев считали объединение невозможным [История Германии..., 2008, с. 534]), но вряд ли – опытных политиков.

«Мирная революция» в ГДР и последующий дрейф в сторону объединения двух германских государств (точнее, присоединения ГДР к ФРГ, или вхождения ГДР в состав ФРГ, хотя формально все произошло именно так, как и предсказывал в 1948 г. посол США в СССР У.Б. Смит, – путем договоренности между двумя германскими правительствами) – особая тема, которая выходит далеко за рамки данной статьи. Приведем лишь некоторые данные социологических исследований, которые позволяют несколько скорректировать тезис о «единодушном» одобрении немцами как на востоке, так и на западе того пути, по которому пошло восстановление германского единства.

В декабре 1989 г. лишь 26% опрошенных граждан ГДР заявили о своей симпатии к рыночной экономике, 21% выступали за «демократический социализм», а больше всего (46%) было тех, кому предпочтительной казалась модель «смешанной системы» хозяйственного устройства [Glaab, 1999, S. 315]. Даже сама по себе идея германского единства поначалу не пользовалась поддержкой большинства населения ГДР: в ноябре 1989 г. за объединение Германии высказывались лишь 48% граждан ГДР, однако затем число сторонников этой идеи увеличилось взрывообразно – до 80% в феврале 1990 г. [Ibid., S. 314]. Причиной этого, очевидно, было обещание ввести на территории ГДР марку ФРГ при сохранении прежних зарплат и пенсий: с учетом известной разницы курсов это означало одномоментное повышение доходов населения (о по-

следствиях в виде безработицы из-за потери рентабельности восточногерманских предприятий тогда умалчивали).

Что же касается настроений западных немцев, то среди них скорее преобладали опасения относительно возможного снижения уровня жизни и доступности социальных благ в объединенной Германии по сравнению со «старой» ФРГ; вместе с тем подавляющее большинство граждан ФРГ выступало за сохранение имеющегося строя: в ноябре 1990 г. три четверти опрошенных выразили удовлетворение тем фактом, что на всей территории Германии «утвердилась государственная форма Федеративной Республики» [Glaab, 1999, S. 315].

Большое расхождение во мнениях между гражданами ГДР и ФРГ существовало по вопросам обеспечения внешней безопасности: исследование настроений немецкой молодежи показало, что большинство на западе выступало за сохранение членства в НАТО, а на востоке – за нейтральный, внеблоковый статус (несмотря на то что в молодежной среде сторонников «социалистической модели» было меньше, чем среди представителей старшего поколения) [Hilmer, Köhler, 1991, S. 420].

Политики, как известно, проигнорировали все эти нюансы. Многое в истории германо-германских отношений на их заключительном этапе остается еще не вполне ясным. Это относится, в частности, к обстоятельствам «открытия» Берлинской стены в ночь с 9 на 10 ноября 1989 г.: было ли это спонтанным событием, вызванным несанкционированной репликой Г. Шабовского, одного из членов партийного руководства, о «немедленном» введении в силу закона, который должен был регулировать порядок заграничных поездок граждан ГДР? Если все произошло случайно и неожиданно, то как объяснить тот факт, что еще до начала пресс-конференции Шабовского к Берлинской стене со стороны Западного Берлина заранее подъехали операторы нескольких телекомпаний США с соответствующим оборудованием [Sarotte, 2015, S. 130–131]? Другой вопрос: каковы были реальные масштабы западного вмешательства во внутренние дела Восточной Германии – особенно после того, как Советский Союз устами М.С. Горбачева

фактически объявил о своей незаинтересованности в дальнейшем существовании ГДР? Во всяком случае, генеральный секретарь ХДС Ф. Руге, комментируя результаты выборов в ГДР, состоявшихся 18 марта 1990 г., откровенно заявил, что их «выиграл федеральный канцлер д-р Гельмут Коль». Тогдашний кандидат на пост председателя Совета министров ГДР Л. де Мезьер, член восточно-германского ХДС, комментируя это высказывание, заявил: «Оно нам очень повредило» и добавил: во время переговоров о создании правительственной коалиции «мне постоянно говорили, что за столом переговоров сидим не мы, а ХДС из Федеративной Республики». Впоследствии Л. де Мезьер пытался опровергать подобные обвинения, но не очень убедительно (цит. по: [Blasius, 2010]).

Литература

Бейли Дж., Кондрашев С.А., Мерфи Д.Э. Поле битвы – Берлин: ЦРУ против КГБ в холодной войне. – М.: Терра, 2000. – 544 с.

Договоренность о намерениях сторон // Международная жизнь. – М., 1973. – № 2. – С. 155-157.

История Германии XX века в новом измерении: Источники, статистика, художественные документы / Сост. И. Бюлов. – М.: ОЛМА, 2008. – 688 с.

Пик В. За национальное единство Германии, за мир и демократию, за дружбу с Советским Союзом и всеми миролюбивыми народами // Правда. – М., 1949. – 13.10.

СССР и германский вопрос 1941-1949: Документы из российских архивов: В 4-х томах. – М.: Международные отношения, 2012. – Т. 4: 18 июня 1948 г. – 5 ноября 1949 г. – 776 с.

Филитов А.М. Германский вопрос: От раскола к объединению. – М.: Международные отношения, 1993. – 240 с.

Baring A. Machtwechsel: Die Ära Brandt-Scheel. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt DVA, 1982. – 832 S.

Blasius R. Der Ministerpräsident der Einheit: Lothar de Maizière sorgt sich um seinen Platz in der Geschichte der Wiedervereinigung // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – Frankfurt am Main, 2010. – 02.10.

Bollin Ch., Fischer-Bollin P. Mauer // Handbuch zur deutschen Einheit 1949-1989-1999 / W. Weidenfeld, K.-R. Korte (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Campus, 1999. – S. 547-559.

Bruns W. Deutsch-deutsche Beziehungen: Prämissen, Probleme, Perspektiven. – Opladen: Leske und Budrich, 1984. – 216 S.

DDR: Geschichte in Dokumenten / Judt M. (Hrsg.). – Bonn: Christoph Links, 1998. – 600 S.

Glaab M. Einstellungen zur deutschen Einheit // Handbuch zur deutschen Einheit 1949–1989–1999 / W. Weidenfeld, K.-R. Korte (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Campus, 1999. – S. 306–317.

Hilmer R., Köhler A. Jugend und die deutsche Einheit // Handwörterbuch zur deutschen Einheit / W. Weidenfeld, K.-R. Korte (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Campus, 1991. – S. 413–423.

Kielmansegg P.G. Nach der Katastrophe: Eine Geschichte des geteilten Deutschland. – Berlin: Siedler, 2000. – 736 S.

Kuppe J. Deutschlandpolitik der DDR // Handbuch zur deutschen Einheit 1949–1989–1999 / W. Weidenfeld, K.-R. Korte (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Campus, 1999. – S. 252–267.

Lehmann H.-G. Deutschland-Chronik 1945 bis 1995. – Bonn: Bouvier, 1996. – 574 S.

Lemke M., Nakath D. Die Deutschlandpolitik der Bundesrepublik und der DDR und die innerdeutsche Beziehungen // Deutsche Zeitgeschichte von 1945 bis 2000: Gesellschaft-Staat-Politik / Burrichter C., Nakath D., Stephan G.-R. (Hrsg.). – Berlin: Dietz, 2006. – S. 566–597.

Sarotte M.E. The collapse: The accidental opening of the Berlin Wall. – N.Y.: Basic Books, 2015. – 320 p.

Sumpf Th. Konföderation/Föderation // Handwörterbuch zur deutschen Einheit / W. Weidenfeld, K.-R. Korte (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Campus, 1991. – S. 442–449.

Winters P.J. Innerdeutsche Beziehungen // Handbuch zur deutschen Einheit 1949–1989–1999 / W. Weidenfeld, K.-R. Korte (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Campus, 1999. – S. 442–454.

DOI: 10.31249/ape/2019.04.03

A.M. Filitov¹, © 2019
German–german relations
from 1949 to 1990

***Abstract.** The article describes the complex trajectory of the interrelations between two German states from their emergence to the moment of inte-*

¹ **Filitov Alexey Mitrofanovich** – Sc.D. in history, professor, chief researcher, Institute of World History RAS (a_filitov@mail.ru).

gration of the German Democratic Republic into the Federal Republic of Germany. The key method of scientific research is event-analysis.

The article shows the features of formation and development of foreign policy concepts of the two German states vis-a-vis each other in the context of Cold war dynamics. Special attention is paid to the evolution of the opponent's ideological perception. The article tries to show the real role of the USSR in determining the mode of behavior of the GDR vis-a-vis the Federal Republic of Germany. The phase of sharp confrontation and mutual non-recognition was superseded by the «détente» and the quest for a cooperative partnership. This process was launched when Moscow Treaty between the USSR and the FRG (1970) and the Basic Treaty between the GDR and the FRG (1972) were concluded. The article also analyzes specific steps that contributed to the rapprochement of the two German states. In the course of the rapprochement, the West German elite tried to limit the GDR's sovereignty and influence its domestic policy. The reaction of the GDR was rather contradictory and ineffective. The article also shows the mutual interaction of political elites and civilians of two German states in 1970 s – 1980 s. In this regard, the reasons of complete domination of the Western political and economic concepts in 1989–1990 are examined. In conclusion, the author notes insufficient attention to some of the details connected with the destroying of the Berlin Wall.

Keywords: «Hallstein doctrine», «People's plan for Germany», «National document», Berlin Wall, «Change through rapprochement», Ulbricht, Honecker, Brandt, Kohl.

References

Agreement on the intentions of the parties [*Dogovorennost' o namereniyakh storon*] (1973) // «*Mezhdunarodnaya zhizn'*». – Moscow. – N 2. – P. 155–157.

Bailey G., Kondrashev S.A., Murphy D.E. (2000). Battleground Berlin: CIA vs. KGB in the Cold War [*Pole bitvy – Berlin: TsRU protiv KGB v kholodnoi voine*]. – Moscow: Terra. – 544 p.

Baring A. (1982). Machtwechsel: Die Ära Brandt-Scheel. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt DVA. – 832 S.

Blasius R. (2010). Der Ministerpräsident der Einheit: Lothar de Maizière sorgt sich um seinen Platz in der Geschichte der Wiedervereinigung // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. – Frankfurt am Main. – 02.10.

Bollin Ch., Fischer-Bollin P. (1999). Mauer // Handbuch zur deutschen Einheit 1949–1989–1999 / W. Weidenfeld, K.-R. Korte (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Campus. – S. 547–559.

Bruns W. (1984). Deutsch-deutsche Beziehungen: Prämissen, Probleme, Perspektiven. – Opladen: Leske und Budrich. – 216 S.

DDR: Geschichte in Dokumenten. (1998) / Judt M. (Hrsg.). – Bonn: Christoph Links. – 600 S.

Filitov A.M. (1993). The German question: From split to unification [*Germaniskii vopros: Ot raskola k ob''edineniyu*]. – Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. – 240 p.

Glaab M. (1999). Einstellungen zur deutschen Einheit // Handbuch zur deutschen Einheit 1949–1989–1999 / W. Weidenfeld, K.-R. Korte (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Campus. – S. 306–317.

Hilmer R., Köhler A. (1991). Jugend und die deutsche Einheit // Handwörterbuch zur deutschen Einheit / W. Weidenfeld, K.-R. Korte (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Campus. – S. 413–423.

Kielmansegg P.G. (2000). Nach der Katastrophe: Eine Geschichte des geteilten Deutschland. – Berlin: Siedler. – 736 S.

Kuppe J. (1999). Deutschlandpolitik der DDR // Handbuch zur deutschen Einheit 1949–1989–1999 / W. Weidenfeld, K.-R. Korte (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Campus. – S. 252–267.

Lehmann H.-G. (1996). Deutschland-Chronik 1945 bis 1995. – Bonn: Bouvier. – 574 S.

Lemke M., Nakath D. (2006). Die Deutschlandpolitik der Bundesrepublik und der DDR und die innerdeutsche Beziehungen // Deutsche Zeitgeschichte von 1945 bis 2000: Gesellschaft-Staat-Politik / Burrichter C., Nakath D., Stephan G.-R. (Hrsg.). – Berlin: Dietz. – S. 566–597.

Pieck W. (1949). For the national unity of Germany, for peace and democracy, for friendship with the Soviet Union and all peace-loving peoples [*Za natsional'noe edinstvo Germanii, za mir i demokratiyu, za druzhbu s Sovetskim Soyuzom i vsemi mirolyubivymi narodami*] // Pravda. – Moscow. – 13.10.

Sarotte M.E. (2015). The collapse: The accidental opening of the Berlin Wall. – New York: Basic Books. – 320 p.

Sumpf Th. (1991). Konföderation/Föderation // Handwörterbuch zur deutschen Einheit / W. Weidenfeld, K.-R. Korte (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Campus. – S. 442–449.

The history of Germany of the XXth century in the new dimension: Sources, statistics, arts [*Istoriya Germanii XX veka v novom izmerenii: Istochniki, statistika, khudozhestvennyye dokumenty*]. (2008) / I. Byulov (Comp.). – Moscow: OLMA. – 688 p.

USSR and the German question 1941–1949: Documents from the Russian archives [*SSSR i germanskii vopros 1941–1949: Dokumenty iz rossiiskikh arkhivov*]. In 4 vol. – Vol. IV (2012): June 18, 1948 – November 5, 1949. – Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. – 776 p.

Winters P.J. (1999). Innerdeutsche Beziehungen // Handbuch zur deutschen Einheit 1949–1989–1999 / W. Weidenfeld, K.-R. Korte (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Campus. – S. 442–454.